
АНТИЧНАЯ И СРЕДНЕВЕКОВАЯ ФИЛОСОФИЯ

Егорочкин М.В.

кандидат философских наук, научный сотрудник Института философии РАН,
109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

E-mail: egorochkin@iph.ras.ru.

Шутка Ксенофана

Аннотация. Первое упоминание о Пифагоре и пифагорейском учении о переселении душ, или метемпсихозе, принадлежит поэту и философу Ксенофану Колофонскому (ок. 570–470 гг. до н.э.). В одной из своих элегий он рассказывает анекдот о щенке, в коем Пифагор якобы распознал душу знакомого человека (21 В 7 DK = D.L. VIII, 36). Принято считать, что стихи Ксенофана являются критическими и представляют собой насмешку над пифагорейской доктриной. Остается, однако, не вполне ясным, в чем, собственно говоря, суть ксенофановской насмешки. Хотя этот вопрос издавна занимает исследователей, удовлетворительного ответа на него до сих пор не найдено. В статье предпринимается попытка объяснить шутку Ксенофана. По мнению автора, Пифагор изображен в ней обманщиком и шарлатаном, который, пользуясь подвернувшимся случаем, пытается преподать обидчику щенка начатки своего учения и залучить нового ученика в свою школу. Но, поступая таким образом, Пифагор не замечает, как попадает впросак, поскольку тем самым невольно признает, что его последователей в грядущей жизни ждет весьма незавидная участь.

Ключевые слова: досократики, Ксенофан, Пифагор, пифагорейцы, Диоген Лаэртский, античная психология, метемпсихоз.

Среди фрагментов поэта и философа Ксенофана Колофонского (ок. 570–470 гг. до н.э.) особый интерес представляют строки, которые Диоген Лаэртий приводит в своей биографии Пифагора (D.L. VIII, 36 = 21 В 7 DK, пер. А.В. Лебедева с изм.¹):

О том, что в другое время он [Пифагор] был другим, свидетельствует Ксенофан в элегии, начало которой:

Ныне за новую речь примусь и путь укажу я...

А то, что он о нем говорит, гласит:

Шел, говорят, он однажды, и видит – щенка избивают.

Жалостью схваченный, он слово такое изрек:

«Стой! Перестань его бить! В бедняге любезного мужа
Душу я опознал, визгу внимая ее».

Процитированная Диогеном Лаэртием элегия Ксенофана знаменита прежде всего тем, что является самым ранним упоминанием о Пифагоре и пифагорейском учении о метемпсихозе – во всяком случае, по общепринятому ныне мнению. Однако такое единодушие отнюдь не всегда царило среди ученых. Как можно заметить, в самих строках элегии имя Пифагора *expressis verbis* не названо. Данное обстоятельство в свое время заставило многих усомниться в том, действительно ли Ксенофан говорил именно о Пифагоре, а не о ком-то другом. Так, еще Отто Керн не без иронии констатировал, что в этом вопросе мы всецело полагаемся на «*die Autorität des Laertios Diogenes*»². Смушала Керна и лежащая в основе элегии идея, будто душа человека способна переродиться в теле животного. По мнению ученого, такая идея была чужда древним пифагорейцам: она принадлежала исключительно орфикам, и все последующие мыслители восприняли ее от них. В частности, в знаменитом фрагменте Эмпедокла (31 В 117 DK, пер. Г. Якубаниса)³:

Был уже некогда отроком я, был и девой когда-то,

Был и кустом, был и птицей и рыбой морской, бессловесной, –

Керн видел влияние орфизма, а не пифагорейской доктрины, сравнивая этот фрагмент со следующими стихами из орфической теогонии (fr. 224 Kern; F 338 PEG II, 1):

¹ Фрагменты ранних греческих философов. Ч. I. М., 1989. С. 170–171. Далее все цитаты в переводе А.В. Лебедева приводятся по этому изданию.

² Kern O. Empedokles und die Orphiker // Archiv für Geschichte der Philosophie. 1888. Bd. I. H. 4. S. 499.

³ Цит. по: Эллинские поэты VIII–III вв. до н.э. М., 1999. С. 198.

Каждый раз люди все те же: отцы и сыны их в хоромах,
Благопристойные жены и матери с их дочерями, –
Ибо на свет все родятся, друг с другом меняясь местами...

Вот почему и людская душа сообразно круженью
Времени в разных животных вселяется поочередно:
То обернется конем, то родится [...]
То обернется овцою, то птицею грозною с виду,
Примет обличье собаки с голосом низкочувствующим,
Или холодной змеей поползет по земле этой дивной.

Сходство орфических стихов и отрывка из Эмпедокла совершенно очевидно. Еще очевиднее их сходство со строками Ксенофана: и в тех и в других речь идет о перерождении человека собакой, причем каждый раз акцентируются издаваемые ей звуки. Впрочем, Керн, хотя и предполагал влияние на Ксенофана орфической теогонии, все же не решился утверждать, что в элегии тот подразумевал учение орфиков, а не пифагорейцев⁴. Соображения Керна впоследствии были подхвачены его учеником Вальтером Ратманном. В диссертации «*Quaestiones Pythagorae Orphicae Empedocleae*», ставшей одной из наиболее скептических работ за всю историю изучения пифагорейства, Ратманн категорически отказывался признавать элегию Ксенофана свидетельством о Пифагоре и пифагорейской доктрине⁵. Несмотря на свою крайность, эта точка зрения нашла сочувственный отклик у исследователей, так что иные из них (к примеру, Антонио Мадалена, о собственных наблюдениях которого будет сказано чуть ниже) продолжали разделять ее и после того, как она была подвергнута критике.

Первым, кто критически отнесся к столь категорической позиции, стал Вальтер Кранц. В своих возражениях, высказанных сразу же по выходе в свет диссертации Ратманна, Кранц обратил внимание на имеющееся у Диогена Лаэртия начало элегии Ксенофана. Наличие первой строки, по убеждению ученого, ясно указывает на то, что Диоген (или тот, кому он обязан ксенофановским отрывком) знал элегию целиком, а значит, связал ее с Пифагором не случайно, опираясь на строфы, опущенные при цитировании. Не ускользает от внимания Кранца и явное расхождение между строками элегии и пояснениями Диогена Лаэртия. В самом деле, судя по предварительной

⁴ Kern O. *Empedokles und die Orphiker*. S. 506–507.

⁵ Rathmann G. *Quaestiones Pythagorae Orphicae Empedocleae*. Diss. Halis Saxonium, 1933. P. 10 et 37–38.

ремарке биографа, элегия Ксенофана должна подтверждать то, что «в другое время Пифагор был другим», тогда как фактически в ней рассказывается анекдот о человеческой душе, воплотившейся в злощастном щенке – причем при жизни Пифагора. Это расхождение само по себе существенно, поскольку доказывает (коль скоро Ксенофан говорит о Пифагоре), что древние пифагорейцы вполне допускали идею о перерождении человека животным. Что же до оценки Ксенофаном пифагорейской доктрины, то она, полагает Кранц, высказывалась в следующей, заключительной части элегии, которая никак не могла заканчиваться анекдотом. И хотя сам ученый склоняется к тому, что Ксенофан оценивал эту доктрину отрицательно, он все же остерегается настаивать на своем⁶.

Осторожность Кранца понятна. Если рассматривать отрывок из Диогена Лаэртия непредвзято, то нельзя не заметить, что ни в строках элегии, ни в сопутствующих пояснениях к ним нет указаний на то, что пафос Ксенофана был непременно критическим. Напротив, как некогда заявила Кэтлин Фримен, история о Пифагоре и щенке «могла быть с равным успехом рассказана с симпатией или беспристрастно»⁷. Но думать так – значит рассматривать фрагмент Ксенофана вне контекста, изолировано, т. е. в том виде, в каком он вошел в «Die Fragmente der Vorsokratiker» Дильса («сопроводительным пособием» к которым книга Фримен, кстати, и является). У Диогена Лаэртия ксенофановским строкам предшествуют сатирические стихи Тимона Флиунтского, где тот потешается над Пифагором, а сразу за ними следуют насмешки над пифагорейцами, точнее, пифагорействующими (теми, кто только подражал их образу жизни) трех комедиографов – Кратина Младшего, Мнесимаха и Аристофонта (D.L. VIII, 36–38). Сегодня ни у кого нет сомнений, что фрагмент Ксенофана пред-

⁶ *Kranz W. Vorsokratisches II // Hermes. 1934. Bd. 69. H. 2. S. 226–227.* Доводы, впервые высказанные Кранцем, до сих пор сохраняют свое значение: *Burkert W. Lore and Science in Ancient Pythagoreanism. Camb. (Mass.), 1972. P. 120–121; Riedweg Ch. Pythagoras: Leben, Lehre, Nachwirkung. 2. Aufl. München, 2007. S. 69; Xénophane de Colophon. Œuvre poétique / Éd., trad. et comm. par L. Reibaud. Paris, 2012. P. 20, n. 47.*

⁷ *Freeman K. The Pre-Socratic Philosophers: A Companion to Diels' «Fragmente der Vorsokratiker».* Oxford, 1946. P. 99. Уместно также вспомнить о гипотезе Олофа Жигона, согласно которой Ксенофан был знаком с пифагорейцами и даже испытал на себе их влияние, что нашло отражение в его теологии: *Gigon O. Der Ursprung der griechischen Philosophie von Hesiod bis Parmenides. Basel, 1945. S. 159–160.* Возражения Жигону: *Lumpe A. Die Philosophie des Xenophanes von Kolophon. Diss. München, 1952. S. 21–22.*

ставляет собой язвительную шутку, отпущенную в адрес Пифагора и пифагорейского учения о метемпсихозе. Из всех же имеющихся характеристик достаточно привести хотя бы ту, которую дал этому фрагменту Марио Унтерстейнер, разглядевший в нем «гнусную карикатуру»⁸.

Принимая в расчет дальнейшее обсуждение, важно затронуть еще один вопрос: у кого Диоген Лаэртий мог заимствовать строки Ксенофана? Или, вернее: каковы пределы его заимствования? Дело в том, что обозначенный пассаж D.L. VIII, 36–38, где помимо Ксенофановой шутки собраны колкости и издевки других поэтов, очевидным образом выбивается из общего строя биографии Пифагора. Он не связан ни с предшествующим извлечением из анонимных «Пифагорейских записок», сделанным Александром Полигистором (D.L. VIII, 24–33 et 36 = Alex. Polyh., FGrHist 273 F 93) и дополненным вставкой из книги Аристотеля «О пифагорейцах» (D.L. VIII, 34–35 = Arist. fr. 195 Rose; fr. 5 Ross)⁹, ни с последующей серией биографических анекдотов (D.L. VIII, 39–45), но производит впечатление самостоятельного блока и почти наверняка заимствован Диогеном Лаэртием целиком¹⁰. Нарочито шуточный тон, пестрота в подборе ци-

⁸ *Senofane. Testimonianze e frammenti / Intr., trad. e comm. a cura di M. Untersteiner. Firenze, 1956. P. 122.*

⁹ Невозможно со всей определенностью установить, кому принадлежит вставка из Аристотеля – Александру Полигистору или Диогену Лаэртию, см.: *Giannattasio Andria R. I frammenti delle «Successioni dei filosofi». Napoli, 1989. P. 139–141.* В новейшей литературе в пользу Александра высказывается Леонид Яковлевич Жмудь (*Жмудь Л.Я. Пифагор и ранние пифагорейцы. М., 2012. С. 150, сн. 7*), в пользу Диогена – Андре Лакс (*Laks A. The «Pythagorean Hypomnemata» reported by Alexander Polyhistor in Diogenes Laertius (VIII, 25–33): A Proposal for Reading // On Pythagoreanism. Berlin; Boston, 2013. P. 375, n. 19*). Правда, уже в следующей своей работе Лакс более осторожен: *Laks A. Diogenes Laertius' «Life of Pythagoras» // A History of Pythagoreanism. Camb., 2014. P. 371, n. 42.*

¹⁰ Как известно, труд Диогена Лаэртия остался незавершенным, так и не получив окончательной отделки (см.: *Schwartz E. Diogenes Laertios // Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Bd. V, 1. Stuttg., 1903. Sp. 740*). Достаточно бегло ознакомиться с его биографией Пифагора, чтобы убедиться, что она, как и некоторые другие vitae philosophorum, составлена довольно небрежно и производит впечатление черновой компиляции. Пытаясь обрисовать структуру этой биографии, исследователи неизменно выделяют интересующий нас пассаж D.L. VIII, 36–38 в виде самостоятельного раздела, впрочем, чаще всего обходя его стороной при более скрупулезном анализе или ограничиваясь самыми общими замечаниями, ср.: *Delatte A. «La Vie de Pythagore» de Diogène Laërce. Brux., 1922. P. 239–241; Centrone B. L'VIII libro delle «Vite»*

тат и широкий охват источников невольно наводят на мысль, что его составителем мог быть Гермипп Смирнский (2-я пол. III в. до н.э.). Воспитанник и помощник Каллимаха при Александрийской библиотеке, Гермипп известен как автор специального сочинения «О Пифагоре», содержавшего массу анекдотов (чтобы не сказать – состоявшего из них полностью) как о самом Пифагоре, так и его учениках и пифагорействующих философах (Hermipp. fr. 18–24 Wehrli; FGrHist 1026 T 9, F 21–26, 27?).

Кандидатура Гермиппа в прошлом уже привлекала к себе внимание исследователей: на роль составителя шутливой поэтической подборки D.L. VIII, 36–38 его предлагал Антонио Маддалена. К сожалению, у этого предложения имелся, скажем так, небескорыстный умысел: своей догадкой Маддалена стремился не столько определить источник Диогена, сколько дискредитировать ксенофановское свидетельство и тем самым подтвердить тезис Ратманна. Подобно филологам XIX в. Маддалена видел в Гермиппе беспечного насмешника, намеренно слагающего о философах всякие небылицы. Дабы изобличить его ненадежность, он среди прочего приводил в пример рассказанный Гермиппом анекдот о спуске Пифагора под землю. По сюжету этого анекдота, после приезда в Италию Пифагор скрывается в землянке, предварительно поручив матери записывать и сообщать ему обо всем, что происходит снаружи. Делает он это затем, чтобы впоследствии, выйдя на поверхность, преподнести свое появление как возвращение из Аида и поразить всех осведомленностью о происходивших в его отсутствие событиях (Hermipp. fr. 20 Wehrli; FGrHist 1026 F 24 = D.L. VIII, 41). Маддалена был уверен, что весь анекдот от начала до конца выдуман Гермиппом на основе схожей и хорошо известной истории о рабе Пифагора Залмоксисе (Hdt. IV, 95). Аналогичной выдумкой виделся исследователю и анекдот о Пифагоре и щенке, с той лишь разницей, что здесь Гермипп не только заимствует у Ксенофана сюжет, но и использует оригинальные строки его элегии, помещая их в чужеродный контекст¹¹.

Как бы то ни было, в пользу Гермиппа при желании можно высказать еще одно соображение. Наличие у Диогена Лаэртия первой строки элегии, очевидно, выполняет функцию заглавия, отсылая чи-

di Diogene Laerzio // *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt*. 1992. Tl. II. Bd. 36, 6. S. 4188–4205; *Diogène Laërce. Vies et doctrines des philosophes illustres* / Trad. sous la dir. de M.-O. Goulet-Cazé. 4e éd. Paris, 2009. P. 924–932; *Laks A. Diogenes Laertius' «Life of Pythagoras»*. P. 364–365, 378.

¹¹ I Pitagorici / A cura di A. Maddalena. Bari, 1954. P. 333–336.

тателя к конкретному стихотворению. Хотя к таким отсылкам прибегали уже Аристофан (Nub. 966–967) и Аристотель (Rhet. III 1418b, 30–31; ср.: Ath. pol. 5, 2), у них они служили простым напоминанием о стихе или песне, бывших у всех на слуху, и не предполагали, что следом будет процитирован текст названного произведения. Специально в функции заглавия первая строка (при том что за ней мог следовать весьма пространный отрывок) стала, судя по всему, использоваться александрийскими филологами и применялась при цитировании поэтических сочинений, либо имевших спорное название, либо не имевших его вовсе. Данная практика восходит, вероятно, к «Таблицам» Каллимаха, обширному библиотечному каталогу в 120 книгах. Именно так, согласно Афинию, туда были занесены застольный этикет гетеры Гнафены, написанный ею в стихах и насчитывающий 323 строки (Athen. XIII 585b = Call. fr. 433 Pfeiffer), равно как и стихотворный опус Херефонты о пирах в 375 строк (Athen. VI 244a = Call. fr. 434 Pfeiffer)¹². Ясно, что такой способ ссылаться на поэзию должен был усвоить и близкий к Каллимаху Гермипп. Кстати, последнему до недавнего времени приписывался сохранившийся у Диогена Лаэртия список сочинений Аристотеля (D.L. V, 22–27), где наряду с трактатами и письмами упоминаются гекзаметрическая поэма и элегия философа, причем и та и другая по первой строке (Arist. Carm. fr. 671–672 Rose; fr. 1 Ross)¹³. Таким образом, характер ссылки на элегию Ксенофана (вдобавок к пестроте и шутливому тону) косвенно подтверждает предполагаемую причастность Гермиппа к пассажу D.L. VIII, 36–38.

Необходимо также учитывать произошедшую переоценку личности самого Гермиппа. Если раньше в нем видели выдумщика, чьи сведения не заслуживают доверия, то теперь – старательного биографа, который, хотя и проявляет предвзятость в отборе материала, питая слабость к забавным историям и анекдотам, все же добросовестно следует сложившейся традиции¹⁴. Другое дело, что гипотезы

¹² Подробнее об использовании первой строки в качестве заглавия см.: *Nachmanson E.* Der griechische Buchtitel: Einige Beobachtungen. Göteborg, 1941. S. 37–49. О двух упомянутых записях в «Таблицах» Каллимаха: *Blum R.* Kallimachos: The Alexandrian Library and the Origins of Bibliography. Madison (Wis.), 1991. P. 156–157.

¹³ *Düring I.* Ariston or Hermippus? A Note on the Catalogue of Aristotle's Writings, *Diog. L. V 22 // Classica et Mediaevalia.* 1956. Vol. 17. Fasc. 1–2. P. 11–21.

¹⁴ *Bollansée J.* Hermippos of Smyrna and his Biographical Writings: A Reappraisal. Leuven, 1999. P. 44–52.

вроде той, что была предложена Маддаленой, уже не удовлетворяют строгим критериям современной науки и представляются излишне умозрительными. Например, отвергнуто предположение о принадлежности Гермиппу приведенного Диогеном Лаэртием списка аристотелевских сочинений¹⁵. Поэтому вряд ли разумно отстаивать и принадлежность ему подборки поэтических насмешек, куда входит отрывок из Ксенофана. Но даже отказавшись от поиска вероятного источника, нельзя отрицать, что саму эту подборку Диоген Лаэртий заимствовал целиком.

Приступая к анализу собственно Ксенофановых строк, нелишне еще раз напомнить, что обычно в них видят насмешку над Пифагором и пифагорейским учением о переселении души¹⁶. Однако такая трактовка является слишком поверхностной и прямолинейной и потому не выглядит исчерпывающей. Джеймс Лешер, автор, наверное, лучшего комментария к фрагментам Ксенофана, допускает, что в элегии мог высмеиваться не столько метемпсихоз, сколько притязания Пифагора на обладание особым знанием, точнее особой познавательной способностью, позволившей ему безошибочно распознать в ценке душу знакомого человека¹⁷. Допущение Лешера кажется тем более оправданным, если вспомнить известную недоверчивость Ксенофана к возможностям человеческого познания, благодаря которой он уже в древности прослыл чуть ли не первым скептиком¹⁸.

Обе интерпретации, конечно же, не исключают друг друга и обе по-своему верны. Проблема в другом. Каждая из них в лучшем случае позволяет понять, что высмеивает в своих стихах Ксенофан, тогда как вопросы: в чем, собственно говоря, состоит соль его шутки? за счет чего в ней достигается комический эффект? почему она вызывала смех у современников и продолжала вызывать его позднее у иску-

¹⁵ *Bollansée J.* Hermippos of Smyrna and his Biographical Writings. P. 233–243.

¹⁶ Обзору старой литературы посвящена статья Эммы Дель Бассо: *Del Basso E.* Sull'antipitagorismo di Senofane // *Logos.* 1975. Vol. 7. P. 163–176.

¹⁷ *Xenophanes of Colophon.* Fragments / A text and translation with a commentary by J.H. Lesher. Toronto; Buffalo; London, 1992. P. 79–80.

¹⁸ Вопрос, кто впервые причислил Ксенофана к мыслителям скептического толка – философы Новой Академии или последователи Пиррона, – остается открытым: *Decleva Caizzi F.* Il libro IX di Diogene Laerzio // *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt.* 1992. Tl. II. Bd. 36, 6. S. 4229–4230; *Di Marco M.* La διαδοχή eleatica e il Senofane «scettico» di Timone // *Di Marco M.* Sapienza italiana: Studi su Senofane, Empedocle, Ippone. Roma, 1998. P. 9–31; *Brittain Ch., Palmer J.* The New Academy's Appeals to the Presocratics // *Phronesis.* 2001. Vol. 46. No. 1. P. 38–72 passim.

шенных эрудитов вроде Диогена Лаэртия? – по сути, остаются без ответа. Для понимания шутки Ксенофана мало считать, что идея о переселении душ или притязание на обладание особым знанием смешны сами по себе. Даже если они и могли показаться кому-то нелепыми, едва ли одного упоминания о них было достаточно, чтобы вызвать усмешку. Осознавая это затруднение, ученые нередко усматривают комизм ксенофановского фрагмента в анекдотичности описанной в нем ситуации, сводя ее то к обеспокоенности Пифагора судьбой жалкого щенка, в коем он якобы узнает человеческую душу, то к идентификации этой души по ее визгу, то к контрасту между подчеркнутой серьезностью Пифагорова учения и обыденностью происходящего¹⁹. Кроме того, можно было бы указать и на использование Ксенофаном специальных средств для достижения комического эффекта: в его четверостишии имеет место и пародирование, и преувеличение (с характерной карикатурностью и даже гротеском), и сближение человека с животным.

И все-таки ни общий комизм ситуации, ни использование специальных приемов не объясняют стихов Ксенофана до конца. В них остается нечто трудноуловимое для сегодняшнего читателя, что делало эти стихи очень едкими и уничижительными. Ведь написаны они были с одной единственной целью (к которой автор, без сомнения, стремился) – подорвать репутацию Пифагора. Представляется, однако, что загадка ксенофановского отрывка не столь уж сложна и вдумчивое чтение вполне способно выявить суть издевки.

Начать интерпретацию элегии Ксенофана стоит, пожалуй, с констатации того факта, что ее автор выставляет Пифагора обманщиком и шарлатаном. Исследователи, как правило, не придают данному факту значения, за исключением разве только Лешера. Но и он связывает Пифагорово шарлатанство исключительно с идеей метемпсихоза, лишенной в глазах Ксенофана всякого здравого смысла²⁰. Между тем заявление Пифагора, будто в щенячьем визге он признает голос знакомого человека, вызвано, по словам Ксенофана, не каким-то особым прозрением, а простой жалостливостью. Не иначе как «жалостью схваченный», Пифагор просит неизвестного обидчика прекратить издеваться над щенком. Объяснение же, что в щенке, дескать,

¹⁹ См.: Bowra C.M. *Early Greek Elegists*. Cambr. (Mass.), 1938. P. 114–115; *Fränkel H. Dichtung und Philosophie des frühen Griechentums*. N.Y.; Frankfurt am Main, 1951. S. 354; *I Pitagoroci / A cura di A. Maddalena*. P. 337; *Xenophanes. Die Fragmente / Hrsg. von E. Heitsch*. München; Zürich, 1983. S. 120.

²⁰ *Xenophanes of Colophon. Fragments / Ed. by J.H. Lesher*. P. 80–81.

заклучена человеческая душа, он выдумывает на ходу, пусть и в полном согласии с собственным учением²¹.

Стоит задуматься и над тем, к кому обращается Пифагор. Кто тот обидчик несчастной зверушки, которого он обманом пытается отвлечь от предосудительной забавы? А самое главное: какую цель Пифагор при этом преследует? Поскольку дело в анекдоте касается не большой собаки «с голосом низкочвучающим», задирать которую отважится не всякий, а беззащитного щенка, само собой напрашивается предположение, что речь у Ксенофана идет о проказливом мальчишке и детской шалости, в крайнем случае о склонном к озорству юноше. Казалось бы, трудно вообразить, чтобы над щенком глумился взрослый человек. Но ведь и взрослые иной раз могли вести себя не по возрасту, иначе пифагорейцы не стали бы оговаривать это специально. По свидетельству Аристоксена, они считали, «что надо заботиться о всяком возрасте: детей учить грамоте и прочим наукам, юношей приучать к обычаям и законам города; мужи должны посвящать себя делам и общественным обязанностям, а старцы, используя все свои знания, должны предаваться размышлениям, вынесениям решений и советам, с тем чтобы и дети не вели себя по-младенчески, и юноши по-детски, и мужи по-юношески, и старцы не впадали в маразм» (Aristox. fr. 35 Wehrli = 58 D 4 DK, пер. А. В. Лебедева). Следовательно, невозможно догадаться, к кому взывает Пифагор, изобретая свое лукавое объяснение. Проще объяснить, для чего он это делает. Как можно заметить, обрисованная Ксенофаном ситуация живо напоминает историю об обстоятельствах появления Пифагора в Италии, рассказанную Дикеархом и сохранившуюся у Порфирия: после своего прибытия в Кротон, Пифагор сперва пленил речами городской «совет старейшин» (τὸ τῶν γερόντων ἀρχεῖον, куда, судя по всему, входили как старики, так и зрелые мужчины), далее по настоянию со-

²¹ Любопытно отметить, что предваряющая отрывок из Ксенофана реплика (D.L. VIII, 36: περὶ δὲ τοῦ ἄλλοτε ἄλλον αὐτὸν [sc. Πυθαγόραν] γεγενῆσθαι Ξενοφάνης ἐν ἐλεγείᾳ προσμαρτυρεῖ κτλ.) порой истолковывалась совсем не в том смысле, что Пифагор в другое время был другим человеком, а в том, что он был непостоянен в своих мнениях: так прежде переводил реплику Робер Женай (*Diogène Laërce. Vie, doctrines et sentences des philosophes illustres / Trad., notice, intr. et notes par R. Genaille. T. II. Paris, 1965. P. 137: «Xénophane affirme qu'il [sc. Pythagore] était très incostant dans ses opinions et en témoigne dans une élégie etc.»*), так переводит ее теперь Люк Бриссон (*Diogène Laërce. Vies et doctrines des philosophes illustres / Trad. sous la dir. de M.-O. Goulet-Cazé. P. 969: «Le fait que Pythagore ait été inconstant, Xénophane en témoigne dans une élégie etc.»*).

вета он выступил с наставлениями перед юношами, потом – перед собранными из школ детьми и напоследок – перед женщинами. В результате он прославился и приобрел множество учеников и сторонников. «Но о чем он говорил с собеседниками, – продолжает Дикеарх, – никто не может сказать с уверенностью, ибо не случайно окружали они себя таким молчанием; но прежде всего шла речь о том, что душа бессмертна, затем – что она переселяется в другие виды животных и, наконец, что все рожденное вновь рождается через промежутки времени, что ничего нового на свете нет и что все одушевленное должно считаться родственным друг другу...» (Dicaearch. fr. 40 Mirhady = Porph. Vit. Pyth. 19, пер. М.Л. Гаспарова с изм.²²). Как и рассказ Дикеарха, анекдот Ксенофана мог подразумевать, что обращение Пифагора к обидчику щенка имеет характер увещевания, а то и саморекламы: пользуясь случаем, он сообщает ему начатки своей доктрины, чем привлекает в свою школу. При таком прочтении анекдот приобретает оттенок своекорыстного умысла, поскольку обнаруживается, что, вступаясь за щенка, Пифагор руководствуется отнюдь не только жалостью.

Но и это далеко не исчерпывает того критического заряда, который несет в себе элегия Ксенофана. Укоряя своими стихами Пифагора, обличая истинные мотивы его поступков и тем самым бросая тень на его педагогическую деятельность, Ксенофан, несомненно, стремится задеть и его учеников. Как справедливо предполагает Христиан Шефер, под упомянутой в стихах «душой любезного мужа», *φίλου ἀνέρος ψυχῆ*, имеется в виду душа умершего пифагорейца²³. В самом деле, в архаическом языке слово *φίλος* в атрибутивной позиции эквивалентно притяжательному местоимению. Применительно к слову *ἀνὴρ* оно используется для обозначения «своего человека» – родственника или члена любой другой группы. У Гомера *φίλος ἀνὴρ* (II. XI, 197; Od. IV, 169) наравне с субстантивированным *φίλος* (II. XI, 528) и синонимичным ему *ἑταῖρος* или *ἕταρος* (II. III, 32; IX, 220; Od. I, 237 etc.) означает не друга вообще, но прежде всего дружинника, члена

²² Порфирий. Жизнь Пифагора // Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. 2-е, испр., изд. М., 1986. С. 419. Следует сказать, что Верли не включил процитированный отрывок из Порфирия в соответствующий фрагмент Дикеарха, ср.: Dicaearch. fr. 33 Wehrli. Подробнее: Жмудь Л.Я. Пифагор и ранние пифагорейцы. С. 138.

²³ Schäfer Ch. Das Pythagorasfragment des Xenophanes und die Frage nach der Kritik der Metempsychosenlehre // Body and Soul in Ancient Philosophy. Berlin; N. Y., 2009. P. 48–49.

своей дружины²⁴. В схожем значении употребляли эти слова и пифагорейцы: между собой, как известно, они называли друг друга либо *ἑταῖροι*, то есть товарищами, теми, кто относится к одной гетерии, либо *φίλοι* – друзьями (собственно, «своими»), что означает то же самое (Aristox. fr. 8 Wehrli; Dicaearch. fr. 41 A Mirhady). Стало быть, желая защитить щенка, Пифагор делает вид, что распознает в его визге не просто душу некогда умершего знакомого, но душу друга, «своего человека», то есть члена пифагорейского союза. Такое истолкование находит поддержку в шутливом рассказе Гермиппа, который «во второй книге “О Пифагоре” сообщает, что после смерти одного из его учеников – по имени Каллифонт родом кротонца – Пифагор говорил, что душа его пребывает с ним денно и ночью» (Hermipp. fr. 22 Wehrli; FGrHist 1026 F 21 = 19, 2 DK, пер. А.В. Лебедева).

Выпад Ксенофана против Пифагора оборачивается таким образом выпадом против пифагорейского союза, а заодно и против пифагорейской дружбы. Последняя понимается значительно шире, чем отношение между близкими людьми: «она связывает даже не знакомых друг с другом пифагорейцев, обязывая каждого из них всеми средствами помогать своим “друзьям” в ситуациях, угрожающих их жизни и благополучию»²⁵. Самым знаменитым примером такой взаимовыручки является дружба Финтия и Дамона: когда Финтий в шутку был обвинен в заговоре с целью свержения Дионисия и приговорен к смерти, Дамон согласился быть поручителем и занять место своего друга (то есть согласился в случае необходимости принять казнь вместо него), пока тот не уладит домашние дела; по завершении дел Финтий, вопреки ожиданию насмешников, вернулся и избавил Дамона от грозившей ему опасности (Aristox. fr. 31 Wehrli = Iamb. Vit. Pyth. XXXIII, 233–236 = 58 D 7 DK; ср. Nicomachus, FGrHist 1063 F 3 = Porph. Vit. Pyth. 60–61; Diod. X, 4, 3 = 55 DK). Так и Пифагор приходит на помощь своему ученику, который, родившись в новой жизни щенком, невольно очутился в затруднительном положении. В таком ракурсе Ксенофаново четверостишие выглядит еще комичнее и производит впечатление уже не безобидной насмешки или колкости, а самой настоящей сатиры на пифагорейцев.

Своеобразным подтверждением тому, что стихи Ксенофана представляют собой сатиру, могут служить два сделанных в разное время

²⁴ Landfester M. Das griechische Nomen «philos» und seine Ableitungen. Hildesheim, 1966. S. 1–74, praesertim 31–33. О семантике *φίλος* см. также: Cipriano P. I composti greci con *φίλος*. Viterbo, 1990. P. 17–24.

²⁵ Жмудь Л.Я. Пифагор и ранние пифагорейцы. С. 96.

наблюдения. Первое из них принадлежит тому же Шеферу. В связи с ксенофановским фрагментом он обращает внимание на любопытную версию рассказа об антипифагорейском восстании кротонцев, приведенную Ямвлихом в книге «О пифагорейской жизни». Данная версия ценна, поскольку содержит немало интересных подробностей. В ней, в частности, сообщается, что в пору восстания, спровоцированного чрезмерным политическим влиянием, равно как и чрезвычайной закрытостью пифагорейского союза, кроме Килона, который принадлежал к состоятельной аристократии, важную роль сыграл некий Нинон, принадлежавший к малоимущему населению Кротона. И если первый выступил перед согражданами с обвинительной речью, то второй обнаружил «тайное сочинение» пифагорейцев под названием «Священное слово», якобы раскрывающее их истинную доктрину. Суть этой доктрины сводилась к простой максиме: «друзей почитать как богов, других подчинять как зверей» (Iamb. Vit. Pyth. XXXV, 259). Источником для Ямвлиха, как он сам сообщает, стала «Жизнь Пифагора» Аполлония Тианского (I в н.э.), ныне, впрочем, считающаяся подложной (Apol., FGrHist 1064 F 2). В свою очередь Аполлоний (или скрывающийся за его именем аноним) предположительно пользовался трудом сицилийского историка Тимея из Тавромения (352–256 гг. до н.э.), чьи сообщения в силу происхождения их автора обычно считаются довольно надежными. Помещенная в такой контекст, шутка Ксенофана приобретает отчетливое антипифагорейское звучание, а ее комический эффект достигается за счет обращения мнимого высокомерия пифагорейцев против них самих, когда они сами низводятся до уровня злосчастной зверушки²⁶.

Другим наблюдением, способным прояснить политическую позицию Ксенофана, а вместе с ней и сатирическую направленность его стихов, мы обязаны Дильсу. Прославленный филолог разглядел антипифагорейский подтекст в элегии, которой поэт ополчается на победителей Олимпийских игр и их почитание. Утверждая, что победа в состязании не принесет городу ни большего благозакония, ни боль-

²⁶ Schäfer Ch. Das Pythagorasfragment des Xenophanes. S. 65–68. Вопросы, связанные с атрибуцией рассмотренного свидетельства Тимею и его интерпретацией, обсуждаются в работах: Fritz K. von. Pythagorean Politics in Southern Italy: An Analysis of the Sources. N. Y., 1940. P. 55–65; Minar E.L. Early Pythagorean Politics in Practice and Theory. Baltimore (Md.), 1942. P. 54–65, praesertim 62–64; Casertano G. I Pitagorici e il potere // I filosofi e il potere nella società e nella cultura antiche. Napoli, 1988. P. 17–19. Кроме того, см. комментарий Яна Радике ap. FGrHist. Pt. IV. Fasc. A 7. P. 155–156.

шего богатства, Ксенофан противопоставляет атлету, атлетической удали и силе, свою «благую мудрость», причем делает это дважды подряд (21 В 2 ДК, в. 11–14, пер. С.А. Ошерова)²⁷:

Все же достойным меня я его не признаю: ведь наша
 Мудрость прекрасней любой силы людей и коней.
 Глупо тут думать, как все, и с правдой ничуть не согласно
 Силу мышц почитать мудрости выше благой.

Учитывая спортивные заслуги пифагорейцев – достаточно вспомнить кротонца Милона, шестикратного олимпийского победителя (Diod. XII, 9, 5–6), – Дильс предполагает, что в стихотворении Ксенофан намекает на воспитанников Пифагора. Более того, Дильс допускает, что поводом для нападок могла послужить победа какого-то конкретного пифагорейца. Причину же столь резкой неприязни он объясняет конкуренцией между двумя философскими школами – элейской (в лице ее зачинателя, Ксенофана) и пифагорейской (в лице атлетов), каждая из которых имела свои политические амбиции²⁸.

Возвращаясь к занимающей нас элегии, заметим, что даже если она не является острой сатирой, не написана на злобу дня и не имеет политической подоплеки, все же нельзя отрицать, что с ее помощью Ксенофан стремился добиться чего-то большего, чем просто посмеяться над Пифагором и пифагорейцами. Об этом лучше всего свидетельствует первая, заглавная строка, процитированная Диогеном Лазертием: «Ныне за новую речь примусь и путь укажу я...» – νῦν αὖτ' ἄλλον ἔπεισι λόγον, δεῖξω δὲ κέλευθον. Чаще всего ей не уделяют должного внимания. А между тем именно она задает смысл всему стихотворению. Судя по этой строке, элегия Ксенофана являлась дидактической: ею поэт надеялся указать своим современникам некий «путь», κέλευθον²⁹. Пытаясь определить, в каком значении Ксенофан

²⁷ Цит. по: Эллинские поэты VIII–III вв. до н.э. М., 1999. С. 276.

²⁸ Diels H. Über die ältesten Philosophenschulen der Griechen // Philosophische Aufsätze: Eduard Zeller zu seinem fünfzigjährigen Doctor-Jubiläum gewidmet. Leipzig, 1887. S. 256–257, п. 4. Лучшим разбором «второй элегии» Ксенофана остается статья Сесила Мориса Боуры: Bowra C.M. Xenophanes and the Olympic Games // The American Journal of Philology. 1938. Vol. LIX. No. 3(235). P. 257–279. Подробнее о «Ксенофановой мудрости» см.: Snell B. Die Ausdrücke für den Begriff des Wissens in der vorplatonischen Philosophie. Berlin, 1924. S. 13; Gladigow B. Sophia und Kosmos. Untersuchungen zur Frühgeschichte von σοφός und σοφία. Hildesheim, 1965. S. 32–38; Soverini L. Nota sulla σοφία di Senofane // Annali dell'Istituto italiano per gli studi storici. 1995–1996. Anno XIII. P. 21–30.

²⁹ Такого мнения, как отмечает Марио Унтерштейнер (*Senofane. Testimonianze e frammenti* / A cura di M. Untersteiner. P. 125), держался Джузеппе Уголини, вы-

употребляет здесь слово κέλευθος, Лешер отдает предпочтение тому, которое оно получило у Эмпедокла, предрекшего нечестивым «демонам» ἀργαλέας βιότιο... κελεύθους – «тяжкие жизни пути» (31 В 115 DK). Одним словом, Ксенофан в элегии не только осмеивает учение пифагорейцев, но и, по-видимому, противопоставляет предлагаемому ими образу жизни свое понимание того, как надлежит жить человеку³⁰. Такое истолкование, по меньшей мере, не противоречит другим фрагментам Ксенофана и хорошо согласуется со свидетельствами о нем самом.

Итак, обобщая все сказанное выше, легко увидеть, что критика Ксенофана в адрес Пифагора и пифагорейцев носит двоякий характер. С одной стороны, Ксенофан рисует Пифагора шарлатаном, не упускающим любого случая, чтобы привлечь внимание к себе и своему учению. С другой стороны, он выставляет в невыгодном свете само Пифагорово учение и сопутствующий ему *modus vivendi*. Они ведут к тому, предостерегает с усмешкой Ксенофан, что в следующей жизни человек может родиться несчастной собачонкой, над которой будут издеваться ради забавы.

К сожалению, фрагмент Ксенофана не проясняет суть пифагорейской доктрины о метемпсихозе. Современные исследователи, по крайней мере, отрицают, что пифагорейцам, в отличие от тех же орфиков, была близка идея спасения души. Они не стремились к выходу из круга перерождений, или «круга неизбежности» (D.L. VIII, 14), как не стремились и к улучшению своей участи с каждым новым воплощением³¹. Будь это так, насмешка Ксенофана звучала бы гораздо уничижительнее, а его критика – гораздо беспощаднее. Судя по всему, пифагорейцы понимали метемпсихоз как естественное следствие космического круговорота, подчиняясь которому, как говорит Аристотель со ссылкой на «пифагорейские мифы», «любая душа может перейти в любое тело» (Arist. De anima, 407b 22–23). Впрочем, слова Аристотеля с тем же успехом привлекались в прошлом и как доказательство, что никакого учения о метемпсихозе у пифагорейцев, в

сказывая его в примечаниях к книге «Lirici greci» (Firenze, 1940), оставшейся автору этих строк недоступной. В том, что элегия «должна была иметь дидактические цели», не сомневался также Антонио Фарина (*Senofane di Colofone. Ione di Chio* / A cura di A. Farina. Napoli, 1961. P. 42). О дидактизме Ксенофана говорит и Георг Вёрле: *Wöhrle G. Xenophanes als didaktischer Dichter // Elenchos. 1993. Anno XIV. Fasc. 1. P. 5–18.*

³⁰ *Xenophanes of Colophon. Fragments* / Ed. by J.H. Lesher. P. 79.

³¹ *Жмудь Л.Я.* Пифагор и ранние пифагорейцы. С. 198–202.

сущности, не было, а была только идея о равенстве душ человека и животного, и что ее-то как раз и высмеивает Ксенофан³². Сегодня исследователи тяготеют к более трезвой трактовке слов Аристотеля³³. Что же до оценки Ксенофаном идеи о равенстве душ, то достичь здесь какой-либо определенности можно, лишь имея внятное представление о его собственной психологии. Но о ней, увы, нам практически ничего не известно³⁴.

Кстати, если теперь с учетом обозначенной выше двойственности взглянуть на строки Ксенофана в контексте всего пассажа D.L. VIII, 36–38, т. е. в одном ряду с насмешками других поэтов, то становится заметным наличие явных переключек между ними. Как уже говорилось, ксенофановской элегии у Диогена Лаэртия предшествуют сатирические стихи Тимона Флиунтского (fr. 57 PPF; fr. 831 SH):

А Пифагор, прибегавший к чарующим ложным ученьям
В ловкой охоте своей за людьми, – велеречья наперсник.

Комментируя тимоновское двустишие, Массимо Ди Марко отмечает, что в нем высмеивается стремление Пифагора залучить новых

³² I Pitagoroci / A cura di A. Maddalena. P. 337–343.

³³ См.: *Alesse F.* La dottrina pitagorica della metempsychosi nel «De anima» di Aristotele // *Tra Orfeo e Pitagora: Origini e incontri di culture nell' antichità. Atti dei seminari napoletani 1996–1998.* Napoli, 2000. P. 397–412; *Cornelli G.* Aristotle and the Pythagorean Myths of Metempsychosis // *Méthexis.* 2016. Vol. 28. P. 1–13.

³⁴ *Lumpe A.* Die Philosophie des Xenophanes von Kolophon. S. 45–46. О взглядах Ксенофана на природу души приходится судить по двум свидетельствам. Первое принадлежит Диогену Лаэртию, который сообщает, будто Ксенофан считал, что «душа есть дыхание» (D.L. IX, 19 = 21 A 1 DK). Второе приводит Маркобий, согласно которому душа в представлении Ксенофана состоит «из земли и воды» (Macr. *Somn. Sc.* I 14, 19 = 21 A 50 DK). Ценность обоих свидетельств определить довольно трудно, в особенности свидетельства Макробия, поскольку оно может быть простым выводом из ксенофановской космологии (ср.: Gal. In Hipp. *De nat. hom.* XXV, 5–11 = 21 A 36 DK). Как бы там ни было, любые попытки прояснить психологию Ксенофана выглядят неубедительно, ср.: *Untersteiner M.* Il concetto di anima secondo Senofane // *Antiquitas.* 1953. Anno VIII. No. 3–4. P. 76–79 = *Senofane. Testimonianze e frammenti* / A cura di M. Untersteiner. P. cclx–cclxiv; *Kalogerakos I.G.* Seele und Unsterblichkeit: Untersuchungen zur Vorsokratik bis Empedokles. Stuttgart; Lpz., 1996. S. 161–174. – В свете обсуждаемого в данной статье вопроса остается предположить следующее: допуская существование (здесь уместно прибегнуть к терминологии, принятой Бреммером: *Bremmer J.N.* The Early Greek Concept of the Soul. Princ., 1983. P. 9 et passim) «body soul», телесной души, Ксенофан, по-видимому, отрицал существование самостоятельной или независимой души, «free soul», в чем и состояло его коренное расхождение с Пифагором и пифагорейцами.

адептов, для чего Пифагор с легкостью прибегает к обману. Столь беспринципную предприимчивость Тимон называет не иначе как «охотой за людьми». Буквально теми же самыми словами Платон характеризует деятельность софиста, стремящегося любой ценой обзавестись состоятельными учениками (Plat. Soph. 222b-c). Это совпадение, по мнению комментатора, не случайно. Тимон умышленно прибегает к аллюзии на нелестную характеристику, данную Платоном софисту, чтобы еще сильнее подчеркнуть отрицательные черты в образе Пифагора. Существенной деталью этого образа выступает и особая торжественность Пифагоровых речей, на что указывает прозвище «велеречья наперсник», *σεμνηγορίης ὀαριστής*. Входящее в него слово *ὀαριστής* – крайне редкое и во всем древнегреческом тезаурусе встречается лишь еще один раз: в «Одиссее» Гомера так назван царь Минос, снискавший исключительное расположение Зевса и удостоившийся за это эпитета *Διὸς μεγάλου ὀαριστής* – «великого Дия наперсник» (Hom. Od. XIX, 179). То, что образцом для Тимона послужил гомеровский стих, давно признано и является общим местом³⁵. Поэтому Ди Марко допускает, что и «велеречье» в Тимоновых стихах по примеру Зевса персонифицируется в виде некоей богини (как следствие, данное Пифагору прозвище он предлагает писать с прописной буквы – *Σεμνηγορίης ὀαριστής*). Тимон, стало быть, высмеивает не только торжественность речей, но и мнимую приближенность Пифагора к богам, выдающую в нем самого обыкновенного шарлатана³⁶. Нетрудно заметить, что стихи Тимона в таком случае как будто вторят Ксенофановой насмешке. Можно даже с уверенностью сказать, что если на уровне словесной образности Тимон подражает Гомеру и Платону, то сама идея для издевки ему наверняка подсказана Ксенофаном. Фигура этого древнего здравомыслящего насмешника была особенно близка Тимону: как известно, именно Ксенофану он посвятил свои «Силлы» (Sext. PH I, 224), а их вторая и третья книги были написаны в виде разговора с ним (D.L. IX, 111)³⁷.

³⁵ Ср.: *Sillographorum Graecorum reliquiae / Rec. et enarravit C. Wachsmuth. Lipsiae, 1885. P. 93.*

³⁶ *Timone di Fliunte. Silli / Intr., ed. cr., trad. e comm. a cura di M. Di Marco. Roma, 1989. P. 241–244.*

³⁷ Это не отменяет того факта, что и сам Ксенофан не избежал упреков Тимона, см.: Tim. fr. 59 et 60 PPF; fr. 833 et 834 SH = 21 A 35 DK. Кроме комментария Ди Марко к соответствующим фрагментам (*Timone di Fliunte. Silli / A cura di M. Di Marco. P. 247–259*) необходимо также учитывать его дополнительные соображения по поводу fr. 59 (*Di Marco M. Senofane πρεσβυγενής // Eikasmos. 2006. T. 17. P. 89–102*), как и во многом предвосхитившую их блестящую

Следом за строками Ксенофана в D.L. VIII, 36–38 сообщается, что Кратин Младший высмеивал Пифагора в комедии «Пифагорействующая» (fr. 6 PCG IV). Далее идет отрывок из его же «Тарентинцев», где на смех поднимается надоедливость пифагорействующих, сбивающих простаков с толку своим искусством красноречия (fr. 7 PCG IV). Завершается пассаж цитатами из «Алкмеона» Мнесимаха (fr. 1 PCG VII) и «Пифагориста» Аристофонта (fr. 12 PCG IV), отличающимися убожеством пифагорейского образа жизни. Таким образом, в издевках Тимона и комедиографов варьируются и развиваются те же самые темы, которые, как было показано, присутствуют и в элегии Ксенофана.

Собственно говоря, столкновение всех обозначенных тем и позволяет Ксенофану добиться необходимого комического эффекта, в нем и заключается соль его шутки. Пифагор в изображении Ксенофана, завидев обидчика щенка и желая заполучить нового ученика, прибегает к обману и сообщает ему о таинственном явлении – переродившейся в щенке душе своего друга (то есть пифагорейца). Сей первый урок метемпсихоза преподносится как своего рода откровение. Однако Пифагор не замечает, как попадает впросак и сам оказывается жертвой собственного шарлатанства, поскольку тем самым невольно признает, что последователей его учения ждет весьма и весьма незавидная участь: в жизни грядущей родиться жалкой зверушкой.

Принятые сокращения

DK – *Diels H., Kranz W.* Die Fragmente der Vorsokratiker. Bd. I–III. 9. Aufl. Berlin: Weidmannsche Verlagsbuchhandlung, 1959–1960.

FGrHist – *Jacoby F.* Die Fragmente der griechischen Historiker. Tl. I–III. Berlin: Weidmannsche Verlagsbuchhandlung; Leiden: Brill, 1923–1958; Die Fragmente der griechischen Historiker Continued. Pt. IV: Biography and Antiquarian Literature. Fasc. A 3: Hermippos of Smyrna / Ed. by J. Bollansée. Leiden; Boston; Köln: Brill, 1999. xxxi, 631 p.; Fasc. A 7: Imperial and Undated Authors / Ed. by J. Radicke. Leiden; Boston; Köln: Brill, 1999. xxv, 492 p.

Kern – *Orphicorum fragmenta* / Coll. O. Kern. Berolini: apud Weidmannos, 1922. x, 407 p.

Mirhady – *Mirhady D.C.* Dicaearchus of Messana: The Sources, Text and Translation // *Dicaearchus of Messana: Text, Translation, and Discussion* / Ed. by W.W. Fortenbaugh, E. Schütrumpf. New Brunswick; London: Transaction Publ., 2001. P. 1–142.

работу Вальтера Лапини (*Lapini W.* La conversione di Senofane (Xenoph. A 35 DK) // *Lapini W.* Studi di filologia filosofica greca. Firenze, 2003. P. 39–57), которую Ди Марко странным образом игнорирует.

PCG – Poetae comici Graeci. Vol. I–VIII / Ed. R. Kassel et C. Austin. Berolini; Novi Eboraci: Walter de Gruyter, 1983–2001.

PEG – Poetae epici Graeci. Ps. I–II / Ed. A. Bernabé. Stutgardiae; Lipsiae; Monachii; Berolini; Novi Eboraci: in aedibus Teubneri, 1996–2007.

Pfeiffer – *Callimachus*. Vol. I–II / Ed. R. Pfeiffer. Oxonii: Typographeo Clarendoniano, 1949–1953.

PPF – Poetarum philosophorum fragmenta / Ed. H. Diels. Berolini: apud Weidmannos, 1901. viii, 270 p.

Rose – Aristotelis qui ferebantur librorum fragmenta / Coll. V. Rose. Lipsiae: Typis B.G. Teubneri, 1886. 463 p.

Ross – Aristotelis fragmenta selecta / Rec. W.D. Ross. Oxonii: Typographeo Clarendoniano, 1955. x, 160 p.

SH – Supplementum Hellenisticum / Ed. H. Lloyd-Jones et P. Parsons. Berolini; Novi Eboraci: Walter de Gruyter, 1983. xxxii, 863 p.

Wehrli – *Wehrli F.* Die Schule des Aristoteles: Texte und Kommentar. Hft. I–X. 2. Aufl. Basel; Stuttgart: Schwabe & Co, 1967–1969; Supplementband I–II. Basel; Stuttgart: Schwabe&Co, 1974–1978.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Пер. с древнегреч. М.Л. Гаспарова. 2-е, испр., изд. М.: Мысль, 1986. 571 с.

Жмудь Л.Я. Пифагор и ранние пифагорейцы. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2012. 445 с.

Фрагменты ранних греческих философов / Изд. подг. А.В. Лебедев. Ч. 1. М.: Наука, 1989. 576 с.

Эллинские поэты VIII– III вв. до н.э. Эпос, элегия, ямбы, мелика / Изд. подг. М.Л. Гаспаров, О.П. Цыбенко, В.Н. Ярхо. М.: Ладомир, 1999. 515 с.

Alesse F. La dottrina pitagorica della metempsirosi nel «De anima» di Aristotele // Tra Orfeo e Pitagora: Origini e incontri di culture nell'antichità. Atti dei seminari napoletani 1996–1998 / A cura di M. Tortorelli Ghidini, A. Storchi Marino, A. Visconti. Napoli: Bibliopolis, 2000. P. 397–412.

Aristotelis qui ferebantur librorum fragmenta / Coll. V. Rose. Lipsiae: Typis B.G. Teubneri, 1886. 463 p.

Aristotelis fragmenta selecta / Rec. W.D. Ross. Oxonii: Typographeo Clarendoniano, 1955. x, 160 p.

Blum R. Kallimachos: The Alexandrian Library and the Origins of Bibliography / Transl. from the German by H.W. Wellisch. Madison (Wis.): The University of Wisconsin Press, 1991. ix, 282 p.

Bollansée J. Hermippos of Smyrna and his Biographical Writings: A Reappraisal. Leuven: Peeters, 1999. xxxvi, 271 p.

Bowra C.M. Early Greek Elegists. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1938. 208 p.

Bowra C.M. Xenophanes and the Olympic Games // The American Journal of Philology. 1938. Vol. LIX. No. 3(235). P. 257–279.

Bremmer J.N. The Early Greek Concept of the Soul. Princeton: Princeton University Press, 1983. xii, 154 p.

- Brittain Ch., Palmer J.* The New Academy's Appeals to the Presocratics // *Phronesis*. 2001. Vol. 46. No. 1. P. 38–72.
- Burkert W.* Lore and Science in Ancient Pythagoreanism / Transl. from the German by E.L. Minar. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1972. 535 p.
- Callimachus.* Vol. I–II / Ed. R. Pfeiffer. Oxonii: Typographeo Clarendoniano, 1949–1953.
- Casertano G.* I Pitagorici e il potere // I filosofi e il potere nella società e nella cultura antiche / A cura di G. Casertano. Napoli: Guida editori, 1988. P. 15–27.
- Centrone B.* L'VIII libro delle «Vite» di Diogene Laerzio // *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt*. Tl. II. Bd. 36, 6. 1992. S. 4183–4217.
- Cipriano P.* I composti greci con φίλος. Viterbo: Università della Tuscia, 1990. 165 p.
- Cornelli G.* Aristotle and the Pythagorean Myths of Metempsychosis // *Méthesis*. 2016. Vol. 28. P. 1–13.
- Declava Caizzi F.* Il libro IX di Diogene Laerzio // *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt*. Tl. II. Bd. 36, 6. 1992. S. 4218–4240.
- Del Basso E.* Sull'antipitagorismo di Senofane // *Logos*. 1975. Vol. 7. P. 163–176.
- Delatte A.* «La Vie de Pythagore» de Diogène Laërce. Bruxelles: Maurice Lamertin, 1922. 271 p.
- Di Marco M.* La διαδοχή eleatica e il Senofane «scettico» di Timone // *Di Marco M.* Sapienza italica: Studi su Senofane, Empedocle, Ippone. Roma: Edizioni Studium, 1998. P. 9–31.
- Di Marco M.* Senofane πρεσβυγενής // *Eikasmos*. 2006. T. 17. P. 89–102.
- Die Fragmente der griechischen Historiker Continued. Pt. IV: Biography and Antiquarian Literature. Fasc. A 3: Hermippos of Smyrna / Ed. by J. Bollansée. Leiden; Boston; Köln: Brill, 1999. xxxi, 631 p.
- Die Fragmente der griechischen Historiker Continued. Pt. IV: Biography and Antiquarian Literature. Fasc. A 7: Imperial and Undated Authors / Ed. by J. Radicke. Leiden; Boston; Köln: Brill, 1999. xxv, 492 p.
- Diels H.* Über die ältesten Philosophenschulen der Griechen // *Philosophische Aufsätze: Eduard Zeller zu seinem fünfzigjährigen Doctor-Jubiläum gewidmet*. Leipzig: Fues's Verlag (R. Reisland), 1887. S. 239–260.
- Diels H., Kranz W.* Die Fragmente der Vorsokratiker. Bd. I–III. 9. Aufl. Berlin: Weidmannsche Verlagsbuchhandlung, 1959–1960.
- Diogène Laërce.* Vie, doctrines et sentences des philosophes illustres / Trad., notice, intr. et notes par R. Genaille. T. I–II. Paris: Garnier; Flammarion, 1965. (1ère éd. Paris: Garnier, 1933).
- Diogène Laërce.* Vies et doctrines des philosophes illustres / Trad. sous la dir. De M.-O. Goulet-Cazé; intr., trad. et notes de J.-F. Balaudé, L. Brisson, J. Brunschwig, T. Dorandi, M.-O. Goulet-Cazé, R. Goulet et M. Narcy avec la collaboration de M. Patillon. 4e éd. Paris: Le Livre de Poche, 2009. 1398 p.
- Düring I.* Ariston or Hermippus? A Note on the Catalogue of Aristotle's Writings, *Diog. L. V 22* // *Classica et Mediaevalia*. 1956. Vol. 17. Fasc. 1–2. P. 11–21.
- Fränkel H.* Dichtung und Philosophie des frühen Griechentums. New York: American Philological Association; Frankfurt am Main: Verlag der Frankfurter Hefte, 1951. xii, 680 S.
- Freeman K.* The Pre-Socratic Philosophers: A Companion to Diels' «Fragments der Vorsokratiker». Oxford: Basil Blackwell, 1946. xiii, 486 p.

- Fritz K. von.* Pythagorean Politics in Southern Italy: An Analysis of the Sources. New York: Columbia University Press, 1940. ix, 113 p.
- Giannattasio Andria R.* I frammenti delle «Successioni dei filosofi». Napoli: Arte Tipografica, 1989. 179 p.
- Gigon O.* Der Ursprung der griechischen Philosophie von Hesiod bis Parmenides. Basel: Schwabe & Co, 1945. 291 S.
- Gladigow B.* Sophia und Kosmos. Untersuchungen zur Frühgeschichte von σοφός und σοφία. Hildesheim: Georg Olms, 1965. 156 S.
- I Pitagoroci / A cura di A. Maddalena. Bari: Laterza, 1954. viii, 366 p.
- Jacoby F.* Die Fragmente der griechischen Historiker. Tl. I–III. Berlin: Weidmannsche Verlagsbuchhandlung; Leiden: Brill, 1923–1958.
- Kalogerakos I.G.* Seele und Unsterblichkeit: Untersuchungen zur Vorsokratik bis Empedokles. Stuttgart; Leipzig: Teubner, 1996. xii, 411 S.
- Kern O.* Empedokles und die Orphiker // Archiv für Geschichte der Philosophie. 1888. Bd. I. H. 4. S. 498–508.
- Kranz W.* Vorsokratisches II // Hermes. 1934. Bd. 69. H. 2. S. 226–228.
- Laks A.* The «Pythagorean Hypomnemata» reported by Alexander Polyhistor in Diogenes Laertius (VIII, 25–33): A Proposal for Reading // On Pythagoreanism / Ed. by G. Cornelli, R. McKirahan, and C. Macris. Berlin; Boston: Walter de Gruyter, 2013. P. 371–383.
- Laks A.* Diogenes Laertius' «Life of Pythagoras» // A History of Pythagoreanism / Ed. by C.A. Huffman. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. P. 360–380.
- Landfester M.* Das griechische Nomen «philos» und seine Ableitungen. Hildesheim: Georg Olms, 1966. xi, 196 S.
- Lapini W.* La conversione di Senofane (Xenoph. A 35 DK) // Lapini W. Studi di filologia filosofica greca. Firenze: Olschki, 2003. P. 39–57.
- Lumpe A.* Die Philosophie des Xenophanes von Kolophon. Diss. München: F. Straub, 1952. 67 S.
- Minar E.L.* Early Pythagorean Politics in Practice and Theory. Baltimore (Md.): Waverly Press, 1942. ix, 143 p.
- Mirhady D.C.* Dicaearchus of Messana: The Sources, Text and Translation // Dicaearchus of Messana: Text, Translation, and Discussion / Ed. by W.W. Fortenbaugh, E. Schütrumpf. New Brunswick; London: Transaction Publ., 2001. P. 1–142.
- Nachmanson E.* Der griechische Buchtitel: Einige Beobachtungen. Göteborg: Elanders boktryckeri aktiebolag, 1941. 52 S.
- Orphicorum fragmenta / Coll. O. Kern. Berolini: apud Weidmannos, 1922. x, 407 p.
- Poetae comici Graeci. Vol. I–VIII / Ed. R. Kassel et C. Austin. Berolini; Novi Eboraci: Walter de Gruyter, 1983–2001.
- Poetae epici Graeci. Ps. I–II / Ed. A. Bernabé. Stutgardiae; Lipsiae; Monachii; Berolini; Novi Eboraci: in aedibus Teubneri, 1996–2007.
- Poetarum philosophorum fragmenta / Ed. H. Diels. Berolini: apud Weidmannos, 1901. viii, 270 p.
- Rathmann G.* Quaestiones Pythagoreae Orphicae Empedocleae. Diss. Halis Saxonium: Klinz, 1933. x, 152 p.
- Riedweg Ch.* Pythagoras: Leben, Lehre, Nachwirkung. 2. Aufl. München: C.H. Beck, 2007. 208 S.

Schäfer Ch. Das Pythagorasfragment des Xenophanes und die Frage nach der Kritik der Metempsychosenlehre // *Body and Soul in Ancient Philosophy* / Ed. by D. Frede and B. Reis. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2009. P. 45–69.

Schwartz E. Diogenes Laertios // *Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft* / Hrsg. von G. Wissowa. Bd. V, 1. Stuttgart: J.B. Metzler, 1903. Sp. 738–763.

Senofane. Testimonianze e frammenti / Intr., trad. e comm. a cura di M. Untersteiner. Firenze: La Nuova Italia, 1956. cclxxx, 156 p.

Senofane di Colofone. Ione di Chio / Intr., testo cr., testim., trad. e comm. A cura di A. Farina. Napoli: Libreria scientifica editrice, 1961. 99 p.

Sillographorum Graecorum reliquiae / Rec. et enarravit C. Wachsmuth. Lipsiae: Typis B.G. Teubneri, 1885. 214 p.

Snell B. Die Ausdrücke für den Begriff des Wissens in der vorplatonischen Philosophie. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1924. 100 S.

Soverini L. Nota sulla σοφία di Senofane // *Annali dell'Istituto italiano per gli studi storici.* 1995–1996. Anno XIII. P. 21–30.

Supplementum Hellenisticum / Ed. H. Lloyd-Jones et P. Parsons. Berolini; Novi Eboraci: Walter de Gruyter, 1983. xxxii, 863 p.

Timone di Fliunte. Silli / Intr., ed. cr., trad. e comm. a cura di M. Di Marco. Roma: Edizioni dell'Ateneo, 1989. viii, 291 p.

Untersteiner M. Il concetto di anima secondo Senofane // *Antiquitas.* 1953. Anno VIII. No. 3–4. P. 76–79.

Wöhrle G. Xenophanes als didaktischer Dichter // *Elenchos.* 1993. Anno XIV. Fasc. 1. P. 5–18.

Xenophanes. Die Fragmente / Hrsg., übers. und erl. von E. Heitsch. München; Zürich: Artemis Verlag, 1983. 203 S.

Xenophanes of Colophon. Fragments / A text and transl. with a comm. by J.H. Leshner. Toronto; Buffalo; London: University of Toronto Press, 1992. xvi, 264 p.

Xénophane de Colophon. Œuvre poétique / Éd., trad. et comm. par L. Reibaud. Paris: Les Belles Lettres, 2012. lxxix, 112 p.

Wehrli F. Die Schule des Aristoteles: Texte und Kommentar. Hft. I–X. 2. Aufl. Basel; Stuttgart: Schwabe & Co, 1967–1969; Supplementband I–II. Basel; Stuttgart: Schwabe & Co, 1974–1978.

MIKHAIL V. EGOROKHIN

PhD in Philosophy, Research Fellow at the Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences, 12/1 Gonchamaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation.
E-mail: egorochkin@iph.ras.ru.

The Joke of Xenophanes

Abstract. Xenophanes of Colophon (ca 570–470 BC) is the first to mention Pythagoras and the Pythagorean doctrine of the transmigration of the soul, or metempsychosis. In one of his elegies, Xenophanes tells an anecdote about a puppy, in which Pythagoras supposedly recognized the soul of the familiar person (21 B 7 DK = D.L. VIII, 36). It is generally accepted that these verses contain criticism and a mockery of the Pythagorean doctrine. However, the exact meaning of the joke remains not entirely clear. Although this question has occupied researchers for a long time, a satisfactory

answer has not yet been found. The article attempts to explain the intent of Xenophanes' joke and the object of its mockery. According to the author, the anecdote depicts Pythagoras as a deceiver and a charlatan, who, taking advantage of the opportunity, tries to teach the puppy offender the basic ideas of his doctrine and thereby attract a new student to his school. But Pythagoras does not notice himself getting into a mess. In doing so, he unwittingly admits that his followers will deserve a bad lot in the next life.

Keywords: Presocratics, Xenophanes of Colophon, Pythagoras, Pythagoreans, Diogenes Laertius, ancient psychology, metempsychosis.

References

- Alesse, F. "La dottrina pitagorica della metempsychosi nel «De anima» di Aristotele", *Tra Orfeo e Pitagora: Origini e incontri di culture nell'antichità. Atti dei seminari napoletani 1996–1998*, a cura di M. Tortorelli Ghidini, A. Storchi Marino, A. Visconti. Napoli: Bibliopolis, 2000, pp. 397–412.
- Bernabé, A. (ed.) *Poetae epici Graeci*, Ps. I–II. Stuttgartiae; Lipsiae; Monachii; Berolini; Novi Emboraci: in aedibus Teubneri, 1996–2007.
- Blum, R. *Kallimachos: The Alexandrian Library and the Origins of Bibliography*, transl. from the German by H.W. Wellisch. Madison, Wis.: The University of Wisconsin Press, 1991. ix, 282 p.
- Bollansée, J. *Hermippos of Smyrna and his Biographical Writings: A Reappraisal*. Leuven: Peeters, 1999. xxxvi, 271 p.
- Bollansée, J. (ed.) *Die Fragmente der griechischen Historiker Continued*, Pt. IV: Biography and Antiquarian Literature, Fasc. A 3: Hermippos of Smyrna. Leiden; Boston; Köln: Brill, 1999. xxxi, 631 p.
- Bowra, C.M. *Early Greek Elegists*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1938. 208 p.
- Bowra, C.M. "Xenophanes and the Olympic Games", *The American Journal of Philology*, 1938, Vol. LIX, No. 3(235), pp. 257–279.
- Bremmer, J.N. *The Early Greek Concept of the Soul*. Princeton: Princeton University Press, 1983. xii, 154 p.
- Brittain, Ch., Palmer, J. "The New Academy's Appeals to the Presocratics", *Phronesis*, 2001, Vol. 46, No. 1, pp. 38–72.
- Burkert, W. *Lore and Science in Ancient Pythagoreanism*, transl. from the German by E.L. Minar. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1972. 535 p.
- Casertano, G. "I Pitagorici e il potere", *I filosofi e il potere nella società e nella cultura antiche*, a cura di G. Casertano. Napoli: Guida editori, 1988, pp. 15–27.
- Centrone, B. "L'VIII libro delle «Vite» di Diogene Laerzio", *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt*, 1992, Tl. II, Bd. 36, 6, S. 4183–4217.
- Cipriano, P. *I composti greci con φ λος*. Viterbo: Università della Tuscia, 1990. 165 p.
- Cornelli, G. "Aristotle and the Pythagorean Myths of Metempsychosis", *Méthexis*, 2016, Vol. 28, pp. 1–13.
- Decleva Caizzi, F. "Il libro IX di Diogene Laerzio", *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt*, 1992, Tl. II, Bd. 36, 6, S. 4218–4240.

- Del Basso E. “Sull’ antipitagorismo di Senofane”, *Logos*, 1975, Vol. 7, pp. 163–176.
- Delatte, A. «*La Vie de Pythagore*» de Diogène Laërce. Bruxelles: Maurice Lamertin, 1922. 271 p.
- Di Marco, M. (a c. di) *Timone di Fliunte, Silli*. Roma: Edizioni dell’Ateneo, 1989. viii, 291 p.
- Di Marco, M. “La διαδοχή eleatica e il Senofane «scettico» di Timone”, in: M. Di Marco, *Sapienza italiana: Studi su Senofane, Empedocle, Ippone*. Roma: Edizioni Studium, 1998, pp. 9–31.
- Di Marco, M. “Senofane πρεσβυγενής”, *Eikasmos*, 2006, T. 17, pp. 89–102.
- Diels, H. “Über die ältesten Philosophenschulen der Griechen”, *Philosophische Aufsätze: Eduard Zeller zu seinem fünfzigjährigen Doctor-Jubiläum gewidmet*. Leipzig: Fues’s Verlag (R. Reisland), 1887, S. 239–260.
- Diels, H. (ed.) *Poetarum philosophorum fragmenta*. Berolini: apud Weidmannos, 1901. viii, 270 p.
- Diels, H., Kranz, W. *Die Fragmente der Vorsokratiker*, Bd. I–III, 9. Aufl. Berlin: Weidmannsche Verlagsbuchhandlung, 1959–1960.
- Düring, I. “Ariston or Hermippus? A Note on the Catalogue of Aristotle’s Writings, Diog. L. V 22”, *Classica et Mediaevalia*, 1956, Vol. 17, Fasc. 1–2, pp. 11–21.
- Farina, A. (a c. di) *Senofane di Colofone, Ione di Chio*. Napoli: Libreria scientifica editrice, 1961. 99 p.
- Fränkel, H. *Dichtung und Philosophie des frühen Griechentums*. New York: American Philological Association; Frankfurt am Main: Verlag der Frankfurter Hefte, 1951. xii, 680 S.
- Freeman, K. *The Pre-Socratic Philosophers: A Companion to Diels’ «Fragmente der Vorsokratiker»*. Oxford: Basil Blackwell, 1946. xiii, 486 p.
- Fritz, K. von. *Pythagorean Politics in Southern Italy: An Analysis of the Sources*. New York: Columbia University Press, 1940. ix, 113 p.
- Gasparov, M.L. (transl.) *Diogen Laertskii, O zhizni, ucheniyakh i izrecheniyakh znamenitnykh filosofov* [Diogenes Laertius, Lives of Eminent Philosopher], 2nd ed. Moscow: Mysl’ Publ., 1986. 571 p. (In Russian)
- Gasparov, M., Tsybenko, O., Jarkho, V. (eds.). *Ellenisticheskie poety 8–3 vekov BCE. Epos, elegiya, yamby, melika* [Hellenistic poets of 8th–3d BCE. Epos, elegy, iambs, lyrics]. Moscow: Ladimir Publ., 1999. 515 p. (In Russian)
- Genaille, R. (trad.) *Diogène Laërce, Vie, doctrines et sentences des philosophes illustres*, T. I–II. Paris: Garnier; Flammarion, 1965. (1ère éd. Paris: Garnier, 1933).
- Giannattasio Andria, R. *I frammenti delle «Successioni dei filosofi»*. Napoli: Arte Tipografica, 1989. 179 p.
- Gigon, O. *Der Ursprung der griechischen Philosophie von Hesiod bis Parmenides*. Basel: Schwabe & Co, 1945. 291 S.
- Gladigow, B. *Sophia und Kosmos. Untersuchungen zur Frühgeschichte von σοφός und σοφία*. Hildesheim: Georg Olms, 1965. 156 S.
- Goulet-Cazé, M.-O. et al. (trad.) *Diogène Laërce, Vies et doctrines des philosophes illustres*, trad. sous la dir. de M.-O. Goulet-Cazé; intr., trad. et notes de J.-F. Balaudé, L. Brisson, J. Brunschwig, T. Dorandi, M.-O. Goulet-Cazé, R. Goulet et M. Narcy avec la collaboration de M. Patillon, 4e éd. Paris: Le Livre de Poche, 2009. 1398 p.
- Heitsch, E. (Hg.) *Xenophanes, Die Fragmente*. Münch.; Zürich: Artemis, 1983.

- Jacoby, F. *Die Fragmente der griechischen Historiker*, Tl. I–III. Berlin: Weidmannsche Verlagsbuchhandlung; Leiden: Brill, 1923–1958.
- Kalogerakos, I.G. *Seele und Unsterblichkeit: Untersuchungen zur Vorsokratik bis Empedokles*. Stuttgart; Leipzig: Teubner, 1996. xii, 411 S.
- Kassel, R., Austin, C. (eds.) *Poetae comici Graeci*, Vol. I–VIII. Berolini; Novi Eboraci: Walter de Gruyter, 1983–2001.
- Kern, O. “Empedokles und die Orphiker”, *Archiv für Geschichte der Philosophie*, 1888, Bd. I, H. 4, S. 498–508.
- Kern, O. (ed.) *Orphicorum fragmenta*. Berolini: apud Weidmannos, 1922. 407 p.
- Kranz, W. “Vorsokratisches II”, *Hermes*, 1934, Bd. 69, H. 2, S. 226–228.
- Laks, A. “The «Pythagorean Hypomnemata» reported by Alexander Polyhistor in Diogenes Laertius (VIII, 25–33): A Proposal for Reading”, *On Pythagoreanism*, ed. by G. Cornelli, R. McKirahan, and C. Macris. Berlin; Boston: Walter de Gruyter, 2013, pp. 371–383.
- Laks, A. “Diogenes Laertius’ «Life of Pythagoras»”, *A History of Pythagoreanism*, ed. by C.A. Huffman. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2014, pp. 360–380.
- Landfester, M. *Das griechische Nomen «philos» und seine Ableitungen*. Hildesheim: Georg Olms, 1966. xi, 196 S.
- Lapini, W. “La conversione di Senofane (Xenoph. A 35 DK)”, in: W. Lapini, *Studi di filologia filosofica greca*. Firenze: Olschki, 2003, pp. 39–57.
- Lebedev, A. (ed.) *Fragmenty rannikh grecheskikh filosofov* [The Fragments of the Early Greek Philosophers]. Moscow: Nauka Publ., 1989. 576 p. (In Russian)
- Leshner, J.H. (ed.) *Xenophanes of Colophon, Fragments*. Toronto; Buffalo; London: University of Toronto Press, 1992. xvi, 264 p.
- Lloyd-Jones, H., Parsons, P. (eds.) *Supplementum Hellenisticum*. Berolini; Novi Eboraci: Walter de Gruyter, 1983. xxxii, 863 p.
- Lumpe, A. *Die Philosophie des Xenophanes von Kolophon*, Diss. München: F. Straub, 1952. 67 S.
- Maddalena, A. (a c. di) *I Pitagoroci*. Bari: Laterza, 1954. viii, 366 p.
- Minar, E.L. *Early Pythagorean Politics in Practice and Theory*. Baltimore, Md.: Waverly Press, 1942. ix, 143 p.
- Mirhady, D.C. “Dicaearchus of Messana: The Sources, Text and Translation”, *Dicaearchus of Messana: Text, Translation, and Discussion*, ed. by W.W. Fortenbaugh, E. Schürtrumpf. New Brunswick; London: Transaction Publ., 2001, pp. 1–142.
- Nachmanson, E. *Der griechische Buchtitel: Einige Beobachtungen*. Göteborg: Elanders boktryckeri aktiebolag, 1941. 52 S.
- Pfeiffer, R. (ed.) *Callimachus*, Vol. I–II. Oxonii: Typographeo Clarendoniano, 1949–1953.
- Radicke, J. (ed.) *Die Fragmente der griechischen Historiker Continued*, Pt. IV: Biography and Antiquarian Literature, Fasc. A 7: Imperial and Undated Authors. Leiden; Boston; Köln: Brill, 1999. xxv, 492 p.
- Rathmann, G. *Quaestiones Pythagorae Orphicae Empedocleae*, Diss. Halis Saxonum: Klinz, 1933. x, 152 pp.
- Reibaud, L. (éd.) *Xénophane de Colophon, Œuvre poétique*. Paris: Les Belles Lettres, 2012. lxxix, 112 p.
- Riedweg, Ch. *Pythagoras: Leben, Lehre, Nachwirkung*, 2. Aufl. München: C.H. Beck, 2007. 208 S.

Rose, V. (ed.). *Aristotelis qui ferebantur librorum fragmenta*. Lipsiae: Typis B.G. Teubneri, 1886. 463 p.

Ross, W.D. (ed.) *Aristotelis fragmenta selecta*. Oxonii: Typographeo Clarendoniano, 1955. x, 160 p.

Schäfer, Ch. “Das Pythagorasfragment des Xenophanes und die Frage nach der Kritik der Metempsychosenlehre”, *Body and Soul in Ancient Philosophy*, ed. by D. Frede and B. Reis. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2009, pp. 45–69.

Schwartz, E. “Diogenes Laertios”, *Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*, hrsg. von G. Wissowa, Bd. V, 1. Stuttgart: J.B. Metzler, 1903, Sp. 738–763.

Snell, B. *Die Ausdrücke für den Begriff des Wissens in der vorplatonischen Philosophie*. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1924. 100 S.

Soverini, L. “Nota sulla σοφία di Senofane”, *Annali dell’Istituto italiano per gli studi storici*, 1995–1996, Anno XIII, pp. 21–30.

Untersteiner, M. “Il concetto di anima secondo Senofane”, *Antiquitas*, 1953, Anno VIII, No. 3–4, pp. 76–79.

Untersteiner, M. (a c. di) *Senofane, Testimonianze e frammenti*. Firenze: La Nuova Italia, 1956. cclxxx, 156 p.

Wachsmuth, C. (ed.) *Sillogaphorum Graecorum reliquiae*. Lipsiae: Typis B.G. Teubneri, 1885. 214 p.

Wehrli, F. *Die Schule des Aristoteles: Texte und Kommentar*, Hft. I–X, 2. Aufl. Basel; Stuttgart: Schwabe&Co, 1967–1969; Supplementband I–II. Basel; Stuttgart: Schwabe & Co, 1974–1978.

Wöhrle, G. “Xenophanes als didaktischer Dichter”, *Elenchos*, 1993, Anno XIV, Fasc. 1, pp. 5–18.

Zhmud, L. *Pifagor i rannie pifagoreitsy* [Pythagoras and the Early Pythagoreans]. Moscow: Dmitry Pozharsky University Publ., 2012. 445 p. (In Russian)